

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-76-82

Окказионализмы в переписке Б. Пастернака и М. Цветаевой

Юлия Борисовна Мартыненко

*Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
e-mail: yliam@yandex.ru*

Имена Бориса Пастернака и Марины Цветаевой связаны не только временем и общим поэтическим творчеством, но и многолетней личной перепиской. В статье рассматриваются авторские окказионализмы, представленные в переписке Б. Пастернака и М. Цветаевой, как средство формирования индивидуального стиля поэтов. В работе использован сравнительно-сопоставительный, описательный и статистический методы. Автор обращает внимание на то, что образованное поэтами новое слово становится отражением их мира, служит точности, емкости рассуждения, является носителем доминантного и символического смыслов.

Ключевые слова: эпистолярный стиль; идиостиль; словообразование; окказионализм; Б. Пастернак; М. Цветаева

Ссылка для цитирования: Мартыненко Ю. Б. Окказионализмы в переписке Б. Пастернака и М. Цветаевой // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 2. – С. 76–82. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-76-82.

Occasionalisms in the Correspondence of B. Pasternak and M. Tsvetaeva

Yuliya B. Martynenko

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
e-mail: yliam@yandex.ru*

The names of Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva are connected not only by the time period and poetry writing but also by a long-term private correspondence. This article discusses occasionalisms found in the correspondence of B. Pasternak and M. Tsvetaeva as a means of forming the individual style of the poets. The comparative, descriptive and statistical research methods were used. The author draws attention to the fact that every new word created by the poets becomes a reflection of their world, serves accuracy and capacity of reasoning, as well as often carries dominant and symbolic meanings.

Keywords: epistolary style; individual style; word formation; occasionalism; B. Pasternak; M. Tsvetaeva

A reference for citation: Martynenko Yu. B. Occasionalisms in the correspondence of B. Pasternak and M. Tsvetaeva. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No 2, pp. 76–82. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-76-82.

Имена Бориса Пастернака и Марины Цветаевой — одни из самых ярких в поэтическом мире первой половины XX в. Борис Леонидович Пастернак — оригинальный, самобытный писатель Серебряного века. Для его поэзии характерны парадоксальность мировосприятия, философичность, неологизмы, склонность к каламбурам и др. «Тексты Бориса Пастернака обладают художественным совершенством, глубиной и априорной целостностью, которая сообщает его поэзии впечатление предустановленной гармонии» [Чижикова, Яновская 2015: 2].

Марина Ивановна Цветаева пришла в русскую литературу благодаря поэтам-символистам, однако и она сама, и ее современники, и исследователи ее творчества всегда подчеркивали свободу Цветаевой от какого бы то ни было литературного направления Серебряного века. «Вся ее поэзия, по существу — взрывы и взломы звуков, ритмов, смыслов. М. Цветаева — один из самых ритмически разнообразных поэтов (Бродский), ритмически богатых, щедрых» [Маслова 2004: 208].

В литературном мире имена Б. Пастернака и М. Цветаевой связаны, в частности,

благодаря их эпистолярной дружбе, которая длилась с 1922 по 1935 г. За это время они ни разу не виделись. Наибольшее количество писем пришлось на 1926 г., когда М. Цветаева жила со своей семьей в Праге.

Переписка Б. Пастернака и М. Цветаевой представляет собой роман в письмах. Как отмечает В. Швейцер, «можно с уверенностью сказать, что в жизни Цветаевой это были самые значительные человеческие отношения. И с уверенностью — что для нее они были значительнее, чем для Пастернака. Они не укладываются в обычные мерки. Была ли то страсть или дружба, творческая близость или эпистолярный роман? Все вместе, неразрывно, питая и усиливая одно другое. Пастернак связывал ее с тем миром, где оба они были небожителями... это была любовь со своими взлетами, падениями, разрывами и примирениями» [Швейцер 2009: 328, 331, 337]. Автор книги о Б. Пастернаке Д. Быков считает, что это «была не любовь, а всепоглощающее и всепобеждающее родство, — хотя и в огромной степени ситуативно обусловленное, поскольку различий между ними всегда было больше, чем сходств (просто очень уж определяющими были сходства)» [Быков 2007: 103]. По-видимому, отношения между ними — больше, чем любовь. Оба писали, как дышали: естественно, не задумываясь, как получалось, в расчете на то, что тебя поймут.

Сегодня мы можем воспринимать переписку между Б. Л. Пастернаком и М. И. Цветаевой как литературу, как эпистолярный роман, когда два больших поэта писали друг другу о жизни, о любви, дружбе, о поэзии и России.

В отличие от непосредственного (контактного) устного общения, которое осуществляется чаще всего в форме диалога, письмо — это общение на расстоянии, дистантное, представленное в монологической форме, но сохраняющее тесную связь с диалогом. Спецификой эпистолярного жанра является то, что это единственный из жанров монологической речи, для которого характерен личностный характер общения. Назначение писем различно: они сообщают информацию, выражают эмоции; в них содержатся размышления и наблюдения; они помогают удовлетворить

потребность человека в фиксации событий своей жизни. В письмах осуществляется прямая коммуникация.

Описание языка поэта как особой разновидности национального языка включает в себя анализ особенностей словоупотребления. Индивидуальность стиля поэтов ярко представлена в их переписке. Довольно часто в эпистолярном жанре поэты обращаются к одному из излюбленных художественных средств — словотворчеству. Неологизмы в переписке Б. Пастернака и М. Цветаевой представляют уникальную возможность для изучения идиостиля поэтов, особенностей их языка и мышления, поскольку употребление поэтами окказионализмов не случайно. Видимо, для более точной передачи мыслей авторам недостаточно узуальных слов. Как отмечал В. В. Виноградов, чтобы изучить стиль писателя на лингвистическом уровне, необходимо проанализировать индивидуальные новообразования, которые он использует для воплощения своих замыслов [Виноградов 1946: 233].

По отношению к индивидуальному словотворчеству в современной лингвистической науке существует довольно противоречивая терминология теории авторских новообразований. Часто используют такие термины, как *окказиональное слово* (*окказионализм*), *поэтический неологизм*, *потенциальное слово*, *новообразование*, *инновация*. Более распространенным является термин Н. И. Фельдман *окказиональное слово* (*окказионализм*). Вслед за ученым, в нашей работе для обозначения созданного писателем нового слова отдано предпочтение термину *окказионализм* как более точному, отражающему результат индивидуально-словотворчества, языкового новаторства, обладающему повышенной выразительностью, характеризующему разовое, спонтанное слово, созданное по случаю (в частной переписке), а также наиболее часто встречающемуся в исследовательской литературе. В качестве синонима также используется термин *неологизм* как факт системы языка.

Существует множество работ, посвященных образованию, употреблению и функциям неологизмов в поэзии Б. Пастернака и М. Цветаевой. Окказионализмы Б. Пастернака отмечали такие исследователи, как

Н. А. Фатеева, Н. Б. Иванова и др., словотворчество М. Цветаевой изучали О. Г. Ревзина, Л. В. Зубова, И. Ю. Белякова, Л. П. Черкасова, И. Н. Швецов и др. Новизна данной работы обусловлена описанием и анализом новых слов, представленных в переписке Б. Л. Пастернака и М. И. Цветаевой¹.

«В теории словообразования, активно развивающейся во второй половине XX в., проблемы неологии и, в частности, писательского словотворчества постоянно находятся в центре внимания исследователей. Слова, создаваемые писателями, вновь и вновь подтверждают семантику личностного отношения к языку и свободу от его власти» [Ревзина 1996: 306].

Одной из примет эпистолярного жанра Б. Пастернака и М. Цветаевой является активное индивидуально-авторское словообразование. Общее количество окказионализмов, представленных в переписке поэтов, составляет, по нашим подсчетам, более 50 единиц. Самой многочисленной группой являются имена существительные (свыше 20), на второй позиции по количеству единиц находятся имена прилагательные (менее 20), третье место занимают глаголы (меньше 15, с учетом глагольных форм), самой малочисленной группой в неологии поэтов являются наречия (меньше 10).

Таким образом, окказионализмы в переписке поэтов по частеречной принадлежности можно разделить на субстантивную, адъективную, глагольную и адverbиальную группы.

Субстантивная группа представлена у Пастернака и Цветаевой отвлеченными существительными:

Между тем если еще есть судьба на свете, а я это увидал нынешней весной, то еще не тот кругом у нас русских воздух (а может быть, и во всем мире), когда можно доверяться человечности случая или лучше — *приравненности* неизвестности к поэту. (Пастернак);

Громовая статья П. Струве (никогда не пишущего о литературе), статьи Яблоновского, Осоргина, многих, — всех задетых (почти Поэт о критике, поймешь) — чья-то зависть — чья-то *обойденность* — и я на улице, я — что! — дети;

Борис, разве ты не видишь, что то *разминовение*, всякое, пока живы, частность — уже уничтоженная;

По снам, по воздуху снов, по *разгроможденности*, по насущности снов. (Цветаева).

Абстрактные понятия и состояния образуют мир поэтов так же, как конкретные действия и признаки составляют мир обычного человека.

Среди способов создания окказиональных субстантивов и у Пастернака, и у Цветаевой преобладают **аффиксальные** и, прежде всего, **суффиксальный** способ словопроизводства.

При образовании отвлеченных существительных оба поэта используют традиционный для русского языка суффикс *-ость*:

Но так как это идеи скорей неотделимые от меня, чем тяготеющие к читателю (губка и фонтан), то поворот головы и *отведенность* локтя чувствуются в форме выраженья, чем, может быть, ее и затрудняют. (Пастернак);

Отсюда и странная меня самое тогда огорчившая... *нелюбовность*, отрешенность, *отказность* каждой строки. (Цветаева).

В русской поэзии XX в. слова на *-ость* считаются наиболее продуктивными при создании неологизмов (см., например: [Бакина 1975; Александрова 1969 и др.]), что находит отражение в словопроизводстве субстантивов в переписке Б. Пастернака и М. Цветаевой.

При образовании отвлеченных окказиональных существительных Б. Пастернак использует также суффикс *-изм*:

Ведь это выходит вроде «Шума Времени», как ты его определяешь — *натюрмортизм*?;

Весной был выпад *категоризма*. Я рванулся было вон из круга вынужденного принижения Жени, тебя, себя самого и (какой глупый порядок) всего мира.

В неологизмах-существительных М. Цветаевой встречается суффикс *-нй*:

То же страстное *взыгрыванье*! (о не заигрыванье! — никогда) гибкость до предела, попытка проникнуть через слово (слово ведь больше, чем вещь: оно само — вещь, которая есть только — знак).

Активно используют поэты (особенно М. Цветаева) **нулевую суффиксацию** при образовании окказиональных девербатов (отглагольных существительных со значением процесса):

¹ Наблюдения базируются на материале издания: [Переписка Бориса Пастернака 1990, Электронный ресурс].

Забота об этой жизни, мне кажется, привитой судьбе, которая дала тебя мне. Тут *колошмати* не будет, даже либреттной. (Пастернак);

Слушайте, Пастернак, здраво и трезво: в этом веке Вам дана только одна жизнь, столько-то лет, — хоть восемьдесят, но мало. (Не для накопления, а для *протраты*.);

Ведь знаете: искося — все очень просто, мое «в упор» всегда встречало искося, робкую людскую *кось*. (Цветаева).

Существительное *кось*, на наш взгляд, характеризуется множественной мотивацией и может быть возведено как к глаголу, так и к имени прилагательному (ср.: *косить взглядом* и *косой взгляд*). «Новообразования с нулевой аффиксацией актуализируют основу слова, часто состоящую из одного корня» [Зубова 1999: 76].

У Пастернака нередко встречаются окказионализмы, образованные **сложением** или **сложносuffixальным** способом:

...я сызнава, как весной, спинным хребтом, вискон и всем правым боком ошутил веянье твоего *рядостоянья*...;

Когда перечитываю письма, — ничего не понимаю. А ты? Какое-то семинарское удручающее *однословье*!;

Т. е. у меня нет в этом частоты, которая грозила бы опасностью *жизнеискаженья*;

Пропасть повествовательного, таящегося обещанья, лирической *полномысленности* каждого сказанного слова.

В письмах М. Цветаевой обращают на себя внимание сложные существительные с первым компонентом *само-* и суффиксами *-ств-*, *-ени-*, помогающие выразить ее внутреннее состояние:

Душа питается жизнью, — здесь душа питается душой, *саможорство*, безвыходность;

Верность как *самоборение* мне не нужна (я — как трамплин, унижительно).

У Б. Пастернака подобных неологизмов не обнаружено.

Широкое использование отвлеченных существительных в частной переписке акцентирует семантику абстрактности, вследствие чего отвлеченные имена начинают восприниматься как наделенные качествами и характеристиками, наводят на философские размышления о «бытийственности» имен.

«Имена отвлеченных признаков осуществляют конструктивную функцию словообразования: по своему словообразовательному

значению они представляют собой свернутую пропозицию, компрессию» [Земская 1992: 35]. Следует отметить, что подобные абстрактные существительные, как правило, представляют собой синтаксические дериваты: при изменении частеречной характеристики сохраняют значение производящего слова. Определенные признаки или действия дают возможность их уточнения, что обогащает семантическую структуру авторского текста.

Адъективная группа окказионализмов представлена у Пастернака и Цветаевой нестандартными атрибутивными конструкциями. Поэты, особенно Б. Пастернак, используют большое количество имен прилагательных:

Что может, вообще говоря, служить началом единства и окончательности несобственной, *неперволичной* лирики? (Пастернак);

Борис, не люблю интеллигенции, не причисляю себя к ней, сплошь *пенсенной*. (Цветаева).

У Б. Пастернака в основном встречаются **сложные** имена прилагательные:

Я не в силах повторить его или даже вообразить себе в его вихревой, *суммарно-сонмовой* простоте, моя же словесная лепта в этом стержневом стане, — вот она;

Так же хороша тема «Я». Очень ловко чехол вырастает в символ. *Жвачно-бумажный*;

Некоторое облегчение, что для животных флейта звучала реально флейтой (реализм неукоснительный, *беспродышно-фатальный*, для душ же он метафоризируется, зовет трубой (бессознательно в фонетике рифмы: тра ра ра);

Так как мне все ясно и я в нее верю, то можно бы молчать, предоставив все судьбе, такой *головокружительно-незаслуженной*, такой преданной;

Я четвертый вечер сую в пальто кусок *мглисто-слякотной*, *дымно-туманной* ночной Праги, с мостом то вдали, то вдруг с тобой, перед самыми глазами, качу к кому-нибудь...

Обращает на себя внимание сложное прилагательное *гостинодворский*, употребленное Б. Пастернаком при характеристике ритма поэмы М. Цветаевой «Крысолов»:

Он какой-то природно *гостинодворский*, точно музыка всегда знала такую тональность.

В прямом смысле слово *гостинодворский* — относительное прилагательное ('относящийся к *гостиному двору*'), но у Пастернака оно употреблено в переносном

значении и представляет для нас семантическую загадку. Возможно, это определение подчеркивает калейдоскопичность событий, вечное обновление. Автор адресует его М. Цветаевой в расчете на правильную «расшифровку», а читателю надо разгадывать смысл аффиктивного новообразования, поскольку он индивидуально-специфичен.

Сложные прилагательные у Б. Пастернака образованы на основе сочинительной (*суммарно-сонмовой, жвачно-бумажный, беспредынно-фатальный* и др.) и подчинительной связи (*неперволичной, колечкоподобным*). Характер синтаксической связи мотивирующих единиц обуславливает орфографию производных (слитно и через дефис).

При создании производных прилагательных М. Цветаева использует графические средства, в частности апостроф и дефисное сращение:

Дура я, что я надеялась увидеть воочию твое море — заочное, *над'очное, вне-очное*.

И у Б. Пастернака, и у М. Цветаевой встречаются отономастические аффиктивные новообразования, например:

Тогда ты в них только слышишь, что они — *Сивцево-Вражесцы*, прокуренны, облиты вином и оставлены навсегда за ненужностью на той или другой гостеприимной лестнице. (Пастернак);

Ты дал живого Шмидта, *чеховски-блоковски-интеллигентского*. (Цветаева).

В качестве характерологического окказионализма использует М. Цветаева форму сравнительной степени прилагательного *одинок*о:

Я ему писала: я не буду себя уменьшать, это Вас не сделает выше (меня не сделает ниже!), это Вас сделает только еще *одинок*е, ибо на острове, где мы родились, — все — как мы.

Окказиональные прилагательные служат для выражения многообразных оттенков значений, помогают ярче передать чувства поэтов, их внутренний мир.

Глагольная группа новообразований представлена комплексными аффиксальными производными (префиксация + постфиксация, префиксация + суффиксация + постфиксация). Окказиональные глаголы встречаются только у Б. Пастернака:

Я выше меры *испустословился* по поводу начала Крысолова;

У меня же все как-то *обесцелилось*;

...это люблю ... проело изнутри мою судьбу, и снаружи ее почернило и *омеланхолило*, и висит на руках и путается в ногах.

Обращает на себя внимание глагол *скрепиться*:

Завтра я встану другим, *скреплюсь*, возьмусь за работу. А эту ночь проведу с тобой. Наконец-то они разошлись по двум комнатам. Я тебе начинал сегодня пять писем. Мальчик болен гриппом, Женя при нем, еще — брат и невестка. Входили, выходили. Поток слов, которые ты пила и выкачивала из меня, прерывался. Мы отскакивали друг от друга. Письма летели к черту, одно за другим. О как ты чудно работаешь! Но не разрушай меня, я хочу жить с тобой, долго, долго жить.

Слово *скрепиться* в современном русском языке имеет два значения: «1. Прочно соединиться друг с другом с помощью чего-либо. *Балки прочно скрепились*. 2. Разг. Удерживать себя от проявления каких-либо чувств; сдержаться. *Скрепиться сердцем. Скрепиться духом*». Пастернак придает этому глаголу новое значение — «собраться, стать крепким, не показать, не обнаружить своих чувств», что более точно передает эмоциональное состояние поэта. Семантика глагола здесь контекстуально обусловлена. Приводимый контекст показывает всю сложность жизненных обстоятельств, в которых поэту необходимо было *скрепиться*, т. е. взять себя в руки, отрешиться от всех бытовых проблем и т. д. Цветаева писала: «Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении — Борису Пастернаку» [Швейцер 2009: 332]. Здесь обычные слова не «работали». В данном случае на внутрисловном уровне происходит смещение узального и окказионального, что приводит к созданию семантического окказионализма.

Что касается окказиональных глагольных форм — причастий и деепричастий, то они встречаются у обоих авторов. При этом у Пастернака находим причастия:

Начало: серость, север, город, проза, предчувствуемые предпосылки революции (глухо бунтующее предназначенье, взрывающееся каждым движеньем труда, бессознательно *мятежничающее* в работе, как в пантомиме) — начало, говорю я, еще может быть терпимо;

а у Цветаевой — деепричастия:

Ваш был и Гете, не пошедший проститься с Шиллером и X лет не приехавший во

Франкфурт повидаться с матерью — *бережась* для Второго Фауста — или еще чего-то, но (скобка!) — в 74 года осмелившийся влюбиться и решившийся жениться — здесь уже сердца (физического!) не *бережа*.

Подобные неологизмы используются поэтами либо для передачи отношения к происходящим событиям (Б. Пастернак), либо как средство создания иронии (М. Цветаева).

Весьма активна у Б. Пастернака (в отличие от М. Цветаевой) **адвербиальная группа**:

Теперь давай жить долго, *оскорбленно-долго*, — это мой и твой долг;

О, как я Вас люблю, Марина! Так вольно, так прирожденно, так *обогащающе* ясно;

Мотив обетования (звучит почти честно, действительно *благовестующе*)...

У Цветаевой встречаются два адвербиальных окказионализма — это наречия *страстнейшие* (*Возвращаясь к «единственному поэту за жизнь»*) и *страстнейшие* *поверив: да!*) и *полувслух*.

Надо отметить, что в поэзии этого периода высокочастотны новообразования с префиксоидом *полу-* (см., например: «Словарь языка русской поэзии XX века»; «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова»; неологизмы В. Маяковского и др.). Как средство характеристики собственных действий использует неологизм с указанным компонентом и М. Цветаева:

Дорогой Борис! Отвечаю сразу — бросив все (*полувслух*, как когда читаешь письмо. Иначе начну думать, а это заводит далеко).

«Лингвисты уже давно обратили внимание на то, что резкой границы между словом и другими языковыми единицами нет, существуют пограничные пространства между словом и морфемой, словом и словосочетанием, словом и предложением, словом и фонетическими или морфологическими вариантами слова, словом и формой слова» [Зубова 1999: 12]. Марина Цветаева широко отразила данное явление в своем творчестве. Подтверждением этой мысли является употребление поэтом префиксов в качестве самостоятельных единиц, помогающих создать микрообразы:

Любя, может быть, страстно! — (Завершение, довершение: *до, за* — предел!) Я же знаю, что Ваш предел — Ваша физическая смерть.

В переписке Б. Пастернака с М. Цветаевой окказиональные слова выполняют смысловую усилительно-выделительную функцию. С помощью новообразований поэты стремятся точнее выразить мысль, передать свое настроение, описать состояние.

Обращение к новым словам диктует контекст, что реализуется на словообразовательном и лексико-семантическом уровнях языка. Окказионализмы здесь являются одним из средств лингвопоэтической техники, важным элементом организации микро- и макроконтраста.

Можно сказать, что в эпистолярном стиле Б. Пастернака и М. Цветаевой представлена система использования словообразовательных средств как стилообразующих. Новое слово становится отражением мира поэта, способствует точности, емкости суждений, является носителем доминантного и символического смыслов.

Б. Пастернак через языковые связи и модели стремится понять и показать окружающий и внутренний мир. Этому же служит использование окказиональных слов.

Неологизмы Цветаевой естественны, позволяют разнообразить семантическую палитру слова. С их помощью М. Цветаева, как и Б. Пастернак, более точно выражает свои мысли и чувства. Неологизмы у нее — не случайное, а системное явление, они органично включены в языковую картину мира поэта, раскрывают особенности поэтического мышления, помогают понять особенности эстетического отношения к слову.

Таким образом, употребление поэтами окказионализмов может рассматриваться как отличительная черта индивидуального стиля писателя. Приемы использования словообразовательных средств в эпистолярном жанре отражают особенности художественного мира поэтов.

ЛИТЕРАТУРА

Быков Д. Борис Пастернак. — Сер.: ЖЗЛ. — М., 2007.

Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв. // Известия АН СССР, ОЛЯ. — 1946. — Т. 5. — Вып. 3. — С. 223—238.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М., 1992.

Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой: фонетика, словообразование, фразеология. — СПб., 1999.

Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. — М., 2004.

Переписка Бориса Пастернака. — М., 1990 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171260 (дата обращения: 30.01.2019).

Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. — М., 1996. — С. 303–309.

Чижикова О. В., Яновская И. В. О семиотике идиостиля Бориса Пастернака // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1–1. — С. 1271–1276.

Швейцер В. Марина Цветаева. — Сер.: ЖЗЛ. — М., 2009.

Zemskaya E. A. Word formation as an activity. Moscow, 1992. (In Rus.)

Zubova L. V. The language of poetry by Marina Tsvetaeva: phonetics, word formation, phraseology. Saint-Petersburg, 1999. (In Rus.)

Maslova V. A. Poet and culture: the concept sphere of Marina Tsvetaeva: textbook allowance. Moscow, 2004. (In Rus.)

Correspondence of Boris Pasternak. Moscow, 1990 [Electronic resource]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171260 (accessed: 30.01.2019). (In Rus.)

Revzina O. G. The poetics of an occasional word. In *Sbornik statei k 70-letiyu V. P. Grigor'eva «Yazyk kak tvorchestvo»* [Collection of articles on the 70th anniversary of V. P. Grigoriev «Language as Creativity»]. Moscow, 1996, pp. 303–309. (In Rus.)

Chizhikova O. V., Yanovskaya I. V. On the semiotics of the idiosyncrasy of Boris Pasternak. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2015, No 1–1, pp 1271–1276. (In Rus.)

Shveitser V. Marina Tsvetaeva. Series: ZhZL. Moscow, 2009. (In Rus.)

REFERENCES

Bykov D. Boris Pasternak. Series: ZHSL. Moscow, 2007. (In Rus.)

Vinogradov V. V. On the problems of the history of language. In *Izvestiya AN SSSR, OLYa* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences, OLYA]. 1946, vol. 5, issue 3, pp. 223–238. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юлия Борисовна Мартыненко, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного в профессиональном обучении, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, 119435, Россия

Yuliya B. Martynenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language in Professional Training, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia

Уважаемые авторы и читатели журнала «Русский язык в школе»!

Напоминаем, что начинается подписка на II полугодие 2020 г. Мы верим, что нас с вами объединяют не только интерес и любовь к русскому языку, но и общая цель – сохранение научно-методического журнала как феномена, присущего исключительно российской действительности. Пережив экономические кризисы, в очень непростых условиях наш журнал остается единственным пространством, объединяющим учителей, методистов и лингвистов. В сохранении этого уникального единства важно усилие каждого из вас.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства: «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – ПЗ896), «Урал-Пресс», «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА»;

2) через интернет-сайты: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»); <http://www.rosp.ru/> (выбрать раздел «Подписка на периодические печатные издания»).